

РАССКАЗЫ

МОЩЕВИК СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Когда Ефиму Ильичу Дыннику сказали, что пора ему приватизировать, то есть выкупить на аукционе свой магазин «Спортивные товары», в котором он директорствовал без малого десять лет, он напугался. Вообще Ефим Ильич как нормальный и правильный еврей очень часто пугался, притом всего: бандитов, милиции, телефонных звонков, всяческих проверок и даже жены. И вот — возвращается он как-то, припозднившись, с работы и около модного ночного клуба «Рокко», который тогда располагался на улице Минина, слышит, как его окликнули: «Дыня». Ефим Ильич даже немножко внутренне вздрогнул: давно уже его при его-то социальном статусе так панибратски никто не окликал. А тут...

Обернулся Ефим Ильич и видит, что окликнул его абсолютно незабываемый господин, хотя и сталкивались-то они всего пару-тройку раз на теннисном корте: это был новый областной губернатор Боря Немцов. Пришлось Ефиму Ильичу задержаться — нельзя же отвечать губернатору: «Некогда мне!» Вот Немцов-то и подсказал в тот раз, а точнее, почти приказал Дыннику выкупить срочно этот магазин «Спорттовары», пригрозив ему, что зайдет к нему в магазин в гости, чтобы прикупить у него пару коробок теннисных мячей. Звал еще молодой губернатор Ефима Ильича в клуб с молодыми и красивыми девчонками потусить, но тут Дынник сумел отстоять свою независимость — правда, ноги дрожали у него еще с полчаса.

Так он стал собственником довольно солидного магазина в центре города. Поддерживать отношения с губернатором он продолжил, и достаточно продуктивно: многие закупки областное правительство делало теперь через его предприятие. А Немцов то прикажет Дыннику оказать материальную помощь какому-нибудь детскому дому, то какую-нибудь глупость подскажет: посоветовал ему зачем-то креститься!

— Как креститься? Ленька с Эдиком синагогу открывают, деньги собирают, у меня просили, — замахал руками Ефим Ильич.

— А ты дай Леньке денег, а сам крестись. Нам выкредиты сейчас очень нужны, — советовал молодой губернатор.

— Так а где креститься-то мне, я же ничего не знаю? И потом — они там, в церквиге, тоже денег будут просить.

— А ты и им тоже дай! А крестись в Ярмарочном соборе — мы его сейчас восстанавливаем. Там служит отец Владимир, от меня обратишься к нему. Когда покрестишься,

Олег Алексеевич Рябов родился в 1948 году в г. Горьком. Окончил Политехнический институт по специальности «радиоинженер». Первая публикация состоялась в 1968 году. Первая книга — повесть о войне «Письма отца» — вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году. С тех пор вышли пятнадцать книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Наш современник», «Нева», «Север» и др. Лауреат конкурсов «Ясная Поляна» и «Болдинская премия». Член Союза писателей России, российского ПЕН-центра, Национального союза библиофилов. Главный редактор журнала «Нижний Новгород».

позвони мне — тебе мои девочки удостоверение выпишут, — отвечал губернатор вполне серьезно.

— Какое еще удостоверение?

— А я тебя назначу советником по межконфессиональным связям. Мне такой помощник сейчас очень понадобится. У тебя татары знакомые есть?

— Ну, есть.

— Ну вот!

Так Ефим Ильич Дынник еще и крестился.

А в общем-то, доволен он был жизнью своей. Даже то, что, кроме церкви и синагоги, он платил еще и бандитам, то есть «крыше» своей, ежемесячно пятьсот долларов, не смущало его: считал, что они на него работают. Серега Нестор и Барсик, члены бригады этой бандитской, были свои ребята, канавинские, когда-то он с ними, бывало, и пиво пил. А вот бригадир их, Балда с Автозавода, к Дыннику редко заявлялся: говорил, что страшно ему за Ефима Ильича, боялся Балда, что обделается тот прямо в кабинете своем со страху.

В советские времена любил Ефим Ильич заходить на книжный черный рынок, который случался по воскресеньям в Пушкинском скверике, и среди посетителей этого сборища можно было встретить в те времена изрядное количество значительных городских деятелей: и директора различные тут бывали, и артисты, и учителя с врачами, и партийные работники разного ранга. Покупали, продавали, менялись новинками книжными. Дынника в этом сообществе звали просто Скупщик. Ефим Ильич не продавал — он покупал, причем не книжки, а старинные безделушки из серебра: статуэтки, вазочки, подстаканники, солонки, портсигары и другую мелочь. Приносили сюда всякое свое барахло и старушки нуждающиеся, и мужики, страдающие с похмелья, и ворованная дребедень часто сбывалась именно тут.

Ничего не мог поделывать с собой Ефим Ильич — нравилось ему серебро. Конечно, он разбирался и в пробах, и в мастерах, а любопытным он мог рассказать, что не каждая вещь с клеймом «Фаберже» бешеных денег стоит: солдаты, служившие до революции в Царском Селе, пользовались вилками и ложками, сработанными в мастерской Фаберже, и эти изделия никакой особой редкостью не являются — тысячи их. Вот так!

Однако времена поменялись, а точнее — перевернулись. И после одного из приватизационных аукционов Дынник стал практически единоличным собственником своего приличного торгового предприятия и помещения почти в тысячу квадратных метров в центре города. Теперь сидел он у себя в своем кабинете, в том же самом, что и в советские времена, но уже в своем! А погреху его народная, Скупщик, не позабылась, и несут ему теперь вещицы серебряные, и не только, прямо на работу, в кабинет его.

Друзья его многочисленные различного ранга заходят к нему запросто: посидеть, выпить рюмку коньяку или чашку кофе и поболтать. Общительный человек Ефим Ильич Дынник, а потому и знает много разного про всякое — каждый день что-нибудь новенькое в городе происходит.

Так вот, в тот день, про который мне хотелось рассказать, сидел-посиживал у него в кабинете старинный друг его детства Коля Синий, фамилия у него такая — Синий. Он тоже неплохо поднялся в последние годы: стал хозяином гостиницы в центре города. Когда-то давным-давно Фима Дынник и Коля Синий пели вместе у Левы Сивухина, в городской хоровой капелле мальчиков, с тех пор и дружба у них.

— Дыня, ты помнишь, как мы с тобой в Оперном театре пели? — спрашивал Синий.

— Когда? — отвечал Дынник.

— Как когда? А в «Кармен» мы пели с тобой. Хор мальчиков помнишь? «Вместо смены караула бодро мы идем всегда. Так трубите же веселее...» Что — помнишь?

— Конечно, помню. Я думал, что ты про что-то другое.
 — Зачем мне про другое?
 — Ну как «зачем»? Я же вчера крестился. Я думал, ты про это!
 — Как крестился? У тебя что — с головой не все в порядке?
 — Да нет — с головой у меня все в порядке. Немцов мне приказал, а крестил меня отец Владимир в Ярмарочном соборе, мы когда-то вместе с ним карате занимались. Он настоятель Ярмарочного собора теперь и занимается его восстановлением. А когда-то он был чемпионом России и черный пояс имел.

— Давай, Дыня, доставай коньяк-то в таком разе, надо отметить событие.

Так сидели-посиживали старые товарищи, друзья детства в уютном кабинете, когда в дверь тихонько кто-то постучал, и она приоткрылась. Осторожный человек сделал шаг и остановился в дверях, вероятно, раздумывая, с чего начать. Одет он был несколько несуразно, не по-летнему: несмотря на теплую погоду, на нем были черная шляпа, темно-синий, плотно застегнутый на все пуговицы костюм, темно-зеленая рубашка и черный галстук.

— А кто здесь Дыня? — спросил, почти заикаясь, посетитель. — Мне сказали, чтобы я нашел Дыню, а как его зовут, я позабыл.

— Заходи, заходи, — махнул призывно хозяин кабинета, — меня зовут Ефим Ильич, а фамилия моя Дынник. А кто тебя прислал?

— Я сам из Арзамаса, а зовут меня Иван. Только я не один.

— А с кем же ты?

— Не «с кем», а с чем. Тут у меня коробка.

— Так затаскивай ее сюда.

Иван в кабинет из прихожей с заметным усилием занес довольно объемный, завернутый в байковое одеяло предмет. И Коля Синий, и Дынник как-то сразу догадались, что это икона.

— Вот посмотрите, велели вам показать, — Иван стал торопливо распаковывать свою ношу, разрезая своим перочинным ножиком веревочки-путы.

Тем временем Коля Синий успел себе налить еще рюмку и выпить ее.

Освободившись от упавшей на пол тряпки и обрезков веревки, стоял, прислоненный к стене, горящий золотом образ Серафима Саровского увеличенного храмового размера.

— Оплечный! Первый раз такого вижу, — произнес Синий.

— Это не оплечный, это — поясной, — заметил ему Дынник. — Их же всего несколько, разрешенных разновидностей образа Серафима Саровского, он же только в двадцатом веке святым-то стал. Так что любым иконам с образом Серафима Саровского ста лет быть просто не может.

— Я все про Серафима Саровского знаю. Я тебе сейчас такое про него расскажу, чего ты уже никогда ни в одной книжке не прочитаешь, — чуть задумчиво и нерешительно сказал Синий, — вспомнилось почему-то сейчас.

На какой-то миг все трое вообще замолчали. Святой с образа по-доброму, совсем без укоризны смотрел на них, глаза его были живыми.

— И чего ты хочешь, Иван? — первым пришел в себя Дынник.

— Денег, — ответил Иван.

— А сколько?

— А сколько дашь! Мне у нас в Арзамасе сказали, что ты не обидишь.

— Так, а икона-то твоя или ворованная?

— Не-а — она у тети Маши в чулане в углу всю жизнь стоит.

— Только у меня рублей нет — хочешь, я тебе триста долларов дам?

— Хочу, конечно. Я их сейчас же сразу и обменяю в обменнике.

Иван суетливо засунул полученные деньги во внутренний карман пиджака и смешно, спиной вперед, чуть не кланаясь, вышел из кабинета, плотно и осторожно закрыв дверь.

Коля Синий снова налил в рюмки, выпили — и сидели покупатели молча несколько минут, любуясь образом.

— Так я тебе хотел рассказать о том, как были найдены мощи Серафима Саровского, — вдруг заговорил, будто очнувшись, Синий.

— В смысле?

— А в том смысле, что обнаружил их мой хороший знакомый из Сарова Валентин, и мне всю эту историю он сам и рассказал.

— Что мне твоя история? Я помню, когда у нас тут был крестный ход, связанный с перенесением мощей из Москвы в Арзамас, а потом и в Саров.

— Да при чем тут крестный ход? Чудак ты человек! Я хочу рассказать тебе историю, которую больше никто тебе не расскажет, потому что будет придумана какая-нибудь другая история про обретение этих мощей. Так вот, мой друг Валентин работал в администрации закрытого города Сарова, и приказало ему городское руководство создать городской краеведческий музей. А в тот момент в Питере, или Ленинградом он тогда еще был, расформировывали Музей религии и атеизма, который находился в Казанском соборе на Невском: возвращали то помещение церкви. Посодействовали власти и моему Валентину: договорились с Питером и направили его туда в командировку, чтобы подобрал какие-нибудь экспонаты для своего краеведческого музея из неликвида музейного, ненужного. Набрал он там каких-то книжек церковных старообрядческих да подсвечников, которые в запасниках валялись, а еще обнаружил он на чердаке старый короб. Открыл он его, а там что-то в тряпочки завернуто, и две рукавички сверху лежат, на одной написано «Отче Серафим», а на другой «Моли Бога о нас». Бросился Валентин к руководству, а те сразу же сообразили, что не все тут так просто, и сразу звонить в КГБ и митрополиту. А потом уже все канонические истории будут придуманы. Вот так! А ты сам-то не заметил, какой это необычный образ, который ты купил? — спросил с расстановкой Синий.

— В смысле?

— А в том смысле, что видишь — вот тут сбоку аккуратненько залитый воском пазух? Там под воском мощи батюшки Серафима. Эта икона с мощами святого Серафима Саровского. Это же большая редкость — икона-мощевик. Тем более что со временем эти мощи из образов таких редких все равно какие-нибудь идиоты выковыривают, а тут все на месте. Чудо — икона-мощевик! Знаешь, она, эта иконка твоя, тысяч пять баксов, а то, может, и десять стоит.

— Ничего она не стоит, Коля!

— Что это?

— А то это! Мы с тобой ее сейчас отвезем в храм, где я вчера крестился. В Ярмарочный собор, к отцу Владимиру. Должен же я какой-то вклад в храм сделать, а то там бедненько как-то. Поможешь мне?

— Ты что, Дыня, дурак, что ли? Это же бабки!

— Не дурак — хватит у меня на мой век бабок. Такпоможешь мне?

— Ну, поедем — куда же я денусь.

Сели Коля Синий и Дынный в машину и поехали в храм. Повезло — отец Владимир был на месте. Он довольно сурово, а может, просто устало встретил гостей и дар их принял очень сдержанно, хотя и поблагодарил мужчин, пообещав внести их имена в служебный синодик храма в числе первых, чтобы поминать их теперь во всех службах.

Все самое интересное случилось на следующий день. Ближе к полудню в кабинет к Ефиму Ильичу зашли два милиционера в форме и представились: капитан Корзин-

щиков и младший лейтенант Карась, отутюженные, выбритые, только глаза мутные — то ли с похмелья, то ли невыспавшиеся. Как положено, предъявили удостоверения. И спрашивает капитан с совершенно блатной какой-то интонацией:

- Где икона, Дынник?
- Какая икона? — заикаясь, Ефим Ильич переспросил.
- Дурачком не прикидывайся! Икону вчера покупал?
- Покупал.
- Где она?
- В храм подарил, в Ярмарочный собор.
- Ты дурак? Или нас за дураков считаешь? В какой собор?
- В такой! Эта икона храмовая и должна висеть в храме на радость прихожанам.
- Знаешь что, Дынник, — эту икону позавчера украли у Мокеевой Марии Николаевны у нас в Арзамасе, она заявление написала, и вчера мы вора уже задержали. Он признался, что продал икону тебе. Мы к тебе сейчас из Арзамаса припороли, и ты с нами поедешь в наручниках сейчас в Арзамас. Где икона?
- В храме. Сейчас пойдем, и вы сами убедитесь. А уж там решайте: забирать ее из храма или там оставить!

Младший лейтенант шмыгал носом и грыз заусеницу на своем ногте. Но и капитан, было заметно, что шумел и покрикивал от неуверенности, видимо, предупредили его, что Ефим Ильич не простая штучка. Заметил это опытный Дынник и даже немножко успокоился. Правда, пожалел, что нет у него пока еще удостоверения помощника губернатора или советника — не получил еще.

Засобирался Дынник, натянул на седую уже свою голову беретик, зачем-то взял портфель и скомандовал теперь уже сам:

— Пошли.

Ехали на милицейской машине, той самой, на которой сыщики из Арзамаса приехали. Опять повезло: отец Владимир был на месте, в храме. Справа от амвона, на невысоком подиуме, убранном красной тканью, стояла икона «Образ святого Серафима Саровского», и даже лампадка перед образом была зажжена.

— Батюшка, отец Владимир, благослови, — пролепетал Ефим Ильич, встав, как истукан, и не зная, как себя вести.

— Благословляю, — проворчал батюшка и перекрестил Дынника.

— А вы что — даже шапки свои не снимаете? Ведь не в синагогу пришли, — это батюшка уже на сыщиков так прореагировал, — в православный храм все же зашли, надо честь соблюдать. А мы с вами, Ефим Ильич, пойдёмте пошепчемся.

Отец Владимир уважительно взял под руку Дынника и отошел в сторону.

— Что им надо от вас?

— Да ничего, батюшка. Пришли на образ чудесный посмотреть.

Милиционеры, спохватившись, стянули с голов фуражки свои.

— Ну что, давайте выйдем на воздух да решим, что будем делать, — обратился к сыщикам наш неофит.

— Пойдем, — ответил капитан.

Все трое вышли на церковное крыльцо.

— Ты, Дынник, посиди немножко в нашей машине, а мы с младшим лейтенантом должны посоветоваться. Посиди пять минут. Все равно ты с нами потом поедешь в Арзамас: ты же купил украденную икону, а это уже скупка краденого. У нас же уголовное дело заведено, и вор пойман. Посиди пока.

Молча ехали сыщики с подозреваемым Дынником к нему на работу, в его магазин, чтобы уже у него в кабинете составить и подписать соответствующие бумаги. В кабинете они без напоминаний сняли свои фуражки и положили их на подоконник. Млад-

ший лейтенант, стоя в углу, продолжил откусывать заусеницу со своего несчастного больного ногтя, а капитан уселся за стол и открыл свою папку. Он то вынимал оттуда какие-то бумаги, то вновь их засовывал назад. Потом у него что-то, видимо, переключалось в голове, и он выпрямлялся, и глаза его начинали гореть, но через миг он вновь удрученно лез в папку.

— Послушай, капитан, — обратился к нему Дынник, — а не стоит ли нам с тобой позвонить прямо сейчас в Арзамас к этой Титовой Марии Ивановне и рассказать, как все устроилось? Я тебе точно говорю, капитан, что она просто обрадуется, когда узнает, что ее икона стоит в храме, да еще в каком — в Ярмарочном соборе. Она же считает, что икона пропала — а вот и нет: она жива и здорова и уже радуется людям.

— Во-первых, она не Титова, а Мокеева, причем Мария Николаевна. Во-вторых, она в городской администрации у нас большой начальник, и нам уши надерут, если мы не вернем икону. А в-третьих, икона эта из храма Смоленской Божьей Матери, что в селе Проездном, и Мария Николаевна мечтала, что храм этот скоро отреставрируют и икона вернется на свое место. Она в том храме еще до войны висела, а потом ее спасали много лет.

— Капитан, держи телефонный аппарат — звони Марии Николаевне, а я с ней сам поговорю. Я ее уговорю оставить икону в Ярмарочном соборе. Ну не забирать же ее оттуда, она уже там прижилась, ты же видел сам, подтвердишь ей. Звони. Если ты забереешь эту икону из храма, батюшка Серафим нас с тобой потом как-нибудь да накажет — давай не будем рисковать.

Вот и все! Мария Николаевна очень обрадовалась, когда узнала, что образ святого Серафима Саровского пришелся к месту в Ярмарочном соборе, в который она, по ее же словам, с детства была влюблена. Пообещала она милицейским чинам забрать у них заявление, наказать Ваньку по-семейному, по-родственному, Дынника просто благодарила. А для постоянных прихожан храма, особенно для старушек, этот образ вообще стал любимым.

ВАННА АРХИМЕДА

За дровяными сараями, под огромными кустами акаций, стояли два мусорных ящика, покрашенные белой известью, и раз в неделю извозчик на телеге с большим деревянным коробом навещал их. Он откидывал переднюю стенку, державшуюся на крючках, и вилами перебрасывал наш домашний бытовой мусор в свой короб. Лошадь была у него красивая, светло-рыжая, почти каурая, ей не нравился запах полыни, которая обильно росла вокруг мусорки, она высоко задирала голову, отворачивалась и изредка фыркала.

Этот участок за сараями мы называли «задний двор», и использовался он для не самых уважаемых потребностей: мальчишки бегали сюда, чтобы справить маленькую нужду, пацаны постарше тут втихаря покуривали, а взрослые мужики здесь могли уединиться с бутылочкой «фруктовки». Стаканы для такого мероприятия всегда хранились в одном из ящиков давно отжившего свой век, перекошенного дубового письменного стола, стоявшего тут же, за которым встоячка и проводилась дегустация этого вкусного и полезного напитка с последующим обсуждением мировых мимолетных событий.

Рядом с этим убитым и терпеливым письменным столом лежала, как бы парой к нему, большая чугунная эмалированная ванна. Белая эмаль ее была уже сильно поколота, из четырех ее ног в виде драконьих лап, обхвативших чугунные шары, осталась

одна, но и перекосившись, ванна продолжала оставаться внушающим уважение объектом: размер ее был значительно больше современных. Дождевая вода в ванне не скапливалась — она просто вытекала через слив, а листья и мусор кто-то, наверное, выбрасывал из нее, потому что в памяти моей она всегда была если и не белоснежной, то чистой. Но мы, мальчишки, не любили эту ванну.

Мы ее звали ванной Архимеда. Поговаривали, что в этой ванне умер профессор Широков с нашего двора, а потому, наверное, ее и выкинули: никто не хотел мыться в посудине, в которой самым натуральным образом умер до того вполне живой человек. Профессора не утопили, и он не утонул в этой ванне, а просто умер в ней от старости — мылся и умер. А профессора во дворе все звали Архимедом, потому что в какой-то нашей областной газете написали, что он великий-превеликий изобретатель. Сына его я вообще не помню, а внук его Николай был намного старше нас, и мы с ним почти не общались. В тот год, который я вспоминаю, мне было лет девять или десять, а внук профессора уже учился в институте.

Легко вспоминать прошлое, когда оно само собой вспоминается, а когда насилуешь себя, пытаясь что-то вспомнить, то часто потом уже и сам не знаешь: то ли ты вспомнил что-то действительно, что было на самом деле, а может, и не вспомнил, а просто нафантазировал. И вся эта картинка прошлого становится карикатурой, и сам ты уже не веришь, что все, что ты вспомнил, случилось.

В том году три или четыре дня подряд у нас на заднем дворе было настоящее пацанское столпотворение. И не объявлял никто нигде ничего, а ребят собралось там, за сараями, просто много: и наши, и с соседней улицы, и совсем незнакомые. Я случайно туда заглянул уже под вечер, торчало там человек пятнадцать: кто-то с кем-то вполголоса разговаривал, а кто просто семечки лузгал, и все чего-то ждали. Май, тепло, солнышко еще не село, но уже привалилось, майские жуки пулями носятся, шумят.

И вот только я заглянул туда, за сараи, как откуда-то сверху, прямо с вершинок берез, которые вдоль сараев стояли, спикировал, а точнее, спланировал прямо в ванну Архимеда мужчина небольшого роста, уже в годах. Весь он серый какой-то был: и рубашка, серая безрукавка, и брюки полотняные мятые, и полуботинки тоже светлые, а сам седой. Встал он в этой ванне, потянулся, руки разведя в стороны, будто только что проснулся, и говорит:

— Это хорошо, что вы пришли. Завтра еще всех своих друзей приводите. А чтобы не напрасно у вас сегодняшний день прошел, учу вас и предупреждаю: кто пролежит в этой ванне молча час, тому по жизни большой фарт будет. На завтрашний вечер у меня для вас сказка любопытная припасена.

Тут стал накрапывать крупными каплями дождик, а потом ливень майский как стеной с неба свалился. Все побежали по домам, а мужичок этот в сером, или колдун он какой-то, подпрыгнул мягко, по-кошачьи и прямо сквозь струи к вершинкам берез, и улетел. Только его и видели. Точнее — я все это видел.

На другой день мы с мамой к кому-то в гости ходили, и на вечернем волшебном мероприятии я не был. Во дворе мальчишки мне потом рассказали, как этот колдун в сером, а его уже так, «колдуном», все стали звать, снова с берез прямо в ванну спикировал. Это когда уже сумерки на дворе были. Никакую сказку он ребятам рассказывать не стал, а только спросил:

— Кто из вас лежал в ванне?

Трое наших мальчишек в ванне уже полежали, но не по часу, а меньше и поочередно. Потому они промолчали. А мой хороший друг и одноклассник Филипп Огнев из соседнего двора, где пожарная каланча была, я его, вообще-то, звал Филькой, подошел к этому колдуну в сером и признался:

— Я пролежал в этой ванне Архимеда больше часа этой ночью молча, и никто меня не видел.

— Я знаю, — ответил колдун, — приходи завтра.

Это все мне сам Филька и рассказал на другой день.

— Филька, ты чего задумал? — спросил я у него. Я же видел по его мимике и жестикации, что у него что-то хитрое на уме.

— Ничего! Вечером увидишь.

— Чего увижу?

— Я хочу улететь с этим серым колдуном.

— Куда?

— Куда угодно.

— А родители?

— А родителям — наплевать! Они в стельку пьяные третий день лежат, и когда в себя они придут — никто не знает. А если придут, то радости мне от того больше не будет, а может, только меньше еще.

Я знал его родителей: и папу, и маму, знал и то, что они иногда выпивают, но никогда они не дрались и не ругались. Такое отчаяние в интонациях Филькиных я услышал впервые, и отговаривать его от каких-то решительных шагов я не мог после его слов, в которых была не только обида, но и какая-то особая недетская злоба.

Если бы мне кто-то рассказал про такое, то я, наверное, и не поверил бы. Но ведь я же сам видал в тот вечер это чудо. Филька подошел к этому серому колдуну, и о чем-то они долго-долго шептались.

В мае ночи бывают очень светлые, но в тот раз сумерки темные-темные сразу спустились. Все ребята разошлись уже по домам, а я все сидел на мусорном ящике и Фильку ждал. Колдун с Филькой сначала на краю ванны сидели, а потом ходить стали, прогуливаясь по-взрослому, и о чем-то разговаривали при том. И вдруг мужик этот прилетевший, который «колдун», Фильку под мышки обнял, и вместе они легко, плавно и бесшумно прямо-таки сиганули вверх и пропали. И тихо так стало.

Интересно, что когда я на другой день пошел в Филькин двор, чтобы узнать, что с ним произошло, то мне там местные женщины сказали, что и Филька, и его родители давно уже переехали куда-то, а куда, никто не знает. Так он пропал из моей жизни, но, как потом оказалось, не совсем.

Не знаю, почему мне вся эта история снова сегодня припомнилась — может, что-нибудь интересное случится на днях. Только вот лежал я лет десять назад в довольно хорошей больнице, профилактически лежал, без проблем, для общего обследования, врачи велели. Лежал я в отдельной персональной ВИП-палате с холодильником, с телевизором; но одно неудобство во всем процессе моего обследования было: главврач больницы как раз в то время решил на свою персональную и ответственную борьбу с курением. И вот вся курящая часть его очень даже немаленького коллектива: и врачи, и медсестры, и поварихи, и больные — ходили теперь в подвал и там среди бочек из-под краски курили. И это вместо того, чтобы во дворе около скамеечек урны поставить.

Вообще, кампания по борьбе с курением иной раз мне кажется просто государственным вредительством: в стране курят тридцать пять миллионов человек, это треть взрослого населения страны. И почему-то их загоняют в подвалы и клетушки! А вот гомосекам, или голубыми их еще называют, которых лечить надо, потому как любое серьезное физиологическое отклонение от нормы — это болезнь, им и особые права, и уважение, и фестивали. А насчет того, что курение вредно для здоровья, так это просто лукавство какое-то: среди врачей, которые по определению должны за здоровьем следить, средний процент курящих куда больше, чем в среднем по всей стране.

Кому-то запах табака, может, и не нравится, а вот мне не нравятся запахи почти всех парфюмов — но я же терплю! Понимаю, что в основе этих ароматов лежит амбра, а потому, может, и противны они мне все. Амбра — это, как бы помягче сказать, отторгнутые из кишечника продукты пищеварения кашалота, какашки его. С другой стороны, культурные сорта табака — это благовония, потому что табак — не крапива, и в оврагах он не растет, его выводили и культивировали в течение тысячелетий американские индейцы. Ну, да это я к слову!

Хотя курительная комната в доме Пашкова в Москве, который теперь часть главной государственной библиотеки страны, достойна отдельного упоминания. Мало того, что она вся отделана как зал каких-то международных приемов с диванами, вентиляторами и урнами, так на стенах там еще висят портреты всех замечательных людей мира за этим прекрасным занятием — курением: Черчилль и Сталин, Хемингуэй и Кеннеди, Симонов и Шолохов — просто очень уважаемая компания.

Так вот палата у меня была, в общем и в целом, виповская, а курить приходилось ходить в подвал другого корпуса через несколько лестниц и переходов. В последний день моего пребывания в этой клинике, уже в ожидании эпикриза, который заполнял мой лечащий врач, я пошел покурить в этот пресловутый подвал. Там-то я и столкнулся с солидным и даже грузным мужчиной моих лет, с которым поделился я своей вышеизложенной теорией. Судя по одежде, он пришел кого-то навестить: одет он был представительно, а не по-больничному. Он выслушал тогда меня молча, расставаясь, пожал зачем-то руку и как-то странно и криво ухмыльнулся.

Полчаса спустя, собрав свои вещи в пакет: ложку, кружку, домашние тапочки, книжку, которую так и не дочитал в свободное больничное время, я попрощался с медицинскими сестрами, которые меня замечательно обслуживали все две недели. Нянечка в моей палате простыни чистые уже застелила, воду в кувшин свежую залила, полы мокрой тряпкой протерла, и специальная лампа ультрафиолетовая для общей дезинфекции была включена, а я в знак особой доверительности был ненадолго допущен в ординаторскую, где пил чай в ожидании своей окончательной истории болезни, на которой кто-то где-то должен был поставить какую-то печать.

Как раз в этот момент мой лечащий врач, заведующая отделением, привела в мою бывшую уже палату нового пациента: это был тот самый солидный, даже, скорее, грузный господин, с которым я только что курил в другом корпусе в подвале. Я сидел в двух шагах от них, когда моя доктор к нему обратилась:

— Филипп Иванович, товарищ генерал, проходите, располагайтесь — это ваша палата.

Но господин генерал, остановившись, с нескрываемым интересом и с легкой ухмылкой смотрел на меня. Он даже задержался около ординаторской.

— Узнал? — спросил он.

— Нет, — ответил я и покачал головой. Хотя в памяти моей уже что-то шевельнулось.

— Ванну Архимеда помнишь? — спросил снова генерал.

— Нет, — ответил я и снова покачал головой.

Я действительно в тот момент не мог вспомнить какую-то ванну и не мог вообще понять, о чем идет речь.

— Ну, ничего, вот окончательно выздоровеешь, дома на диванчике полежишь и все вспомнишь.

На том мы и расстались.

А потом, конечно, я все вспомнил: и «задний двор» за сараями, и ванну Архимеда, и серого колдуна, и Фильку, который улетел. И любопытно было бы поболтать с моим Филькой из детства, этим генералом Филиппом Ивановичем, да только где же его теперь найти!